

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ана Сакру
Прости, мне плевать,
ЧТО НЕЛЬЗЯ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Ана Сакру Прости, мне плевать, что нельзя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67480538

SelfPub; 2022

Аннотация

Я вышла замуж не по собственной воле.

Отец продал меня своему конкуренту, Вадиму Палею, в обмен на мир между нашими семьями. Но это не помогло. Папу убили практически сразу после моей свадьбы. Мой муж – жесткий и могущественный человек. Я не люблю его. Боюсь.

Но разве у меня есть выбор?

С детства меня учили подчиняться. И я исполню свой долг. Буду Вадиму послушной и примерной женой, не задающей лишних вопросов. Даже несмотря на то, что он вдвое старше меня и его взбалмошный сын – мой ровесник.

Его сын. Он так смотрит... Но нам нельзя.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ана Сакру

Прости, мне плевать, что нельзя

Глава 1

– Го-о-орько! Го-о-орько! Го-о-орько!!!– весело кричат подскочившие со своих мест гости. Оглушительной какофонией стучат вилки и ножи по наполненным бокалам.

Мучительно краснею. У нас так не принято. При всех. Машинально вычленяю из сотен взглядов, устремленных на меня, стальной сосредоточенный взор отца. Лёгкий кивок головы. Надо. Поворачиваюсь к своему теперь уже мужу, нацепив слабую улыбку. Всё как в замедленной съёмке. Его жесткие пальцы по-хозяйски обхватывают мой затылок, фиксируя голову. Твердые тонкие губы приближаются к моим. Сердце уходит в пятки. Взгляд цепляется за едва заметную родинку на его идеально бритой щеке. Чуть- чуть повыше глубокой носогубной складки. У него уже морщины... Но они его не портят. Суровый знающий себе цену мужчина. Мой муж. Дыхание перехватывает, когда жёсткий рот вжимается в мой. На языке взрывается горьковатый чужой вкус. Терпкий, щиплющий, будто лизнула капельку одеколона. Ноги

подгибаются от прошивающего электрического разряда. Меня раньше целовали тайком пару раз, но никогда вот так. Собственнически. Без оглядки на возможных свидетелей. Клеймит.

– Раз... Два... Три... Четыре...

Оглушающий гомон вокруг не даёт расслышать собственные эмоции. Мне нравится? Я не знаю. Только трепет ощущаю чётко. Это мой муж. Мой хозяин. И он ВПРАВЕ меня целовать. Раскрываю губы, впуская его горячий чуть шершавый язык. По кровотоку разносится покалывающая слабость. От него так пахнет мужчиной. Резкий, тяжелый, забивающий ноздри аромат морского парфюма и сигарет.

– Десять.... Ооо.....

Отстраняется. Его голубые глаза смотрят холодно и оценивающе. От прищура к вискам стремятся лучики мимических морщин. Ему сорок два. Его не удивить поцелуем. Мне двадцать один, и я в шоке.

Покачиваюсь на слабых ногах, когда он отпускает. Гости пьют из своих бокалов, одобрительно шумя. Обвожу огромный банкетный зал невидящим взором. Моя свадьба. С русским. Я не верю до сих пор. Не верю, что отец отдал меня человеку из другого мира, фактически выкинув из семьи, лишь ради своих интересов. Позволено ли мне будет общаться с матерью? Нахожу её отстранённое бледное лицо в пёстрой толпе гостей. Не смотрит даже на меня. Младшая сестра рядом с ней тоже уткнулась взглядом в тарелку. Её щеки пы-

лают от пережитого стыда за меня. От этого развратного поцелуя перед толпой. И ведь это лишь первый. Банкет только начался. Будет ещё. У них так принято. Срамные поцелуи на свадьбе. Сжимаю ледяными пальцами вилку, сглатываю распирающий горло ком, губы печёт...

– Выпей, поможет, – роняет муж мой и пододвигает ко мне бокал на невероятно тонкой длинной ножке.

– Спасибо, Вадим Львович, я не пью. Нельзя женщинам... – мельком поднимаю на него опасливый взгляд и тут же снова опускаю глаза в тарелку. Должна ли я ему перечить? Отец сказал – НЕТ. Но я не специально. Вылетело...

– Вадим для тебя. Запомни на будущее, Лейла. И твоим родственникам уже всё равно: соблюдаешь ты традиции или нет. Но как хочешь, – равнодушно пожимает ВАДИМ плечами, утыкаясь в телефон.

Ему наверно тоже не доставляет радости эта свадьба. Вычурный спектакль для гостей. Показать, что два самых важных человека в городе, Ахмедов и Палей, наконец, договорились. Я – гарант их хрупкого мира. Залог стабильности в целом регионе. И я почти не против.

Вадим Львович ещё не так стар. Он бесспорно по-мужски красив, хоть и пугающ. Слишком холодный давящий взгляд из-под нависающих надбровных дуг. Бритвой режет надвое, когда смотрит. Слишком отстраненный голос. Слишком выверенные жесты и неулыбающееся лицо. Словно он и не знает, как это – улыбаться. Лишь иногда кривая ухмылка тро-

гает тонкие губы. Тяжелый человек – видно. Впрочем, другой бы и не выдержал противостояния с моим отцом. Значит сильный. Гранит. И я теперь под его защитой. Его единственная жена. У русских так принято. Единственная жена второго после моего отца человека на огромной территории. Почетно... Вот только мама...

Сердце болезненно сжимается, когда я пытаюсь и не могу перехватить её взгляд. Мамочка... Может отец разрешит ей хоть звонить мне. Иногда. На большее я не рассчитываю. Хоть бы голос слышать. Часто моргаю, силясь не заплакать. Тушь потечет. Вокруг гам. Гости начинают говорить тосты. Не слушаю. Мельком смотрю на ораторов. Всё пытаюсь перехватить материнский взгляд и не могу. Не смотрит. Посмотри!

– Отец, я тоже скажу, – высокий худощавый парень встаёт из-за стола по левую руку от меня.

Невольно перевожу на него заинтригованный взгляд. Отец? Молодой человек нещадно бьёт вилкой по бокалу. Так, что перекрывает весь гул в зале. Воцаряется тишина. А я ведь ничего не знаю о своём муже. Что есть сын – не знала. С любопытством рассматриваю своего пасынка. На вид почти мой ровесник, может на пару лет лишь младше. Похож на своего отца. Копия. Рост, телосложение, колючий взгляд глубоко посаженных светлых глаз. Русые волосы, острые скулы, твёрдый подбородок. Разве что губы. Красные, полные, чувственные. Словно печать сладострастия на жёстком лице.

Не красивый, но завораживающий. Цепляет взгляд. Смотрю и не отвернуться.

Муж мой подаётся вперёд, приготовившись слушать. Стальные холодные глаза впиваются в лицо сына, так похожее на его собственное. Без улыбки смотрит. Хмуро. Делает едва заметный приглашающий жест рукой, чтобы тот уже начинал говорить.

– Хочу поздравить тебя с новой женой, отец, – криво улыбается парень, – Хоть прах моей матери ещё и не остыл. Но свято место пусто не бывает, да, пап? А вообще...

Кто-то со звяканьем роняет вилку на тарелку. Гости затаивают, жадно ловя каждый звук. Я затаиваю дыхание. В груди становится тесно. О чём говорит этот мальчишка? Скрип зубов рядом.

– Антон, сядь, бл..ть, – так тихо. Слышу только я.

Но парень, похоже, читает по губам отца и лишь шире улыбается. Издевательски.

– А вообще удачно вышло, да, пап? В понедельник хоронил одну. В пятницу женился на другой. Какая насыщенная выдалась у тебя неделя. Я вот лично что-то подустал от банкетов. Ещё на девять дней идти послезавтра. Или этот праздник отмечать не будем? Всё-таки медовый месяц...

Сглатываю. Неделю назад?! Перевожу ошарашенный взгляд на своего два часа как законного мужа. Это правда? Вижу, как ходят желваки на его побледневшем лице. Какой ненавидящий взгляд он вперил в нагло улыбающегося сына.

Вадим похоронил мою предшественницу меньше недели назад? Как это возможно?! Это не запрещено???

– Спасибо, Антон, сядь,– говорит мой муж так громко, что от стен отскакивает гулкое эхо.

Но молодой человек будто не слышит. Продолжает всё более задорным голосом, улыбается шире с каждой секундой, начиная напоминать городского сумасшедшего.

– Что ж, счастья тебе, пап! Насладись новой женой. Красивая...– выше поднимает рюмку. Почти над самой головой. Вижу, как к нему с двух сторон медленно крадутся охранники. Сердце тарбанит где-то в горле. Каждое его слово как ядовитая стрела.

– Долгих лет совместной жизни, наверно не пожелаю. Мало ли... Планы поменяются, и эту тоже настигнет несчастный случай. Бизнес такой бизнес...

– Антон! – рявкает мой муж, не выдерживая. На плечо парня ложится тяжелая рука одного из подошедших охранников. Он небрежно опрокидывает рюмку и вальяжно опускается на стул, в упор смотря на отца.

– За поздравление, сын...спасибо,– чеканит Вадим, одаривая его тяжелым взглядом. Нестройный гул обомлевших гостей. Торопливые опустошения бокалов. Будто стараются залить услышанное, вытравить алкоголем.

Меня подташнивает. Зал кругом идёт.

Прошла всего лишь неделя, как мой муж овдовел... Всего лишь неделя... Это случайность? Почему отец не сказал ни-

чего? Почему???. Нахожу его каменное лицо. Взгляд черных глаз, излучающих презрение, устремлен на сына Палея. На меня не смотрит. словно в полусне поднимаюсь со своего места.

– Куда? – тихо рявкает Вадим, щурясь.

– В дамскую комнату, – лепечу немеющими губами.

Ледяной взгляд светлых глаз медленно исследует моё лицо.

– Только быстро, – роняет Вадим через пару секунд и отворачивается. Кривит губы, с раздражением опрокидывая рюмку и косясь на продолжающего рассеянно улыбаться сына.

Глава 2

Остаток бесконечного банкета прошёл как в тумане. Ко мне никто не подходил, ни о чём не заговаривал. Для моей родни я медленно умирала, сидя за этим столом. Для гостей со стороны мужа не существовала вовсе. Танца молодых у нас не было, ненавистное мне "горько" заглохло на третьем разе. Все тосты о бизнесе. Даже немного странно. Всё-таки свадьба – не сделка. Детей нам желали лишь женщины. Это так бросалось в глаза. Поглядывала каждый раз во время этих пожеланий на мужа и видела, как его твёрдые губы становятся ещё тоньше. Не хочет??? Но что я тогда буду делать в его доме? Без детей? Становилось страшно. Всю мою жизнь меня учили быть достойной женщиной, хорошей женой. Высшее благо – дать наследников, посвятить себя большой семье. Только вот что делать, если этой большой семьи не будет, не сказали. Я хочу детей. Как без них – не представляю. Но мой муж лишь губы кривит, слыша о потомстве от гостей.

Может, мне кажется? Надеюсь, что да.

Взгляд то и дело невольно цеплялся за опустевший стул, на котором сидел младший Палей. Когда я вернулась в зал после того, как отдышалась в уборной, его уже не было. Наверно, его увели те охранники. Наверно, ему вообще не стоило приходить. Его слова так и звенели у меня в голове,

заглушая разгульный шум банкета. Перекрывали музыкантов, эхом отдавались в тостах. И глаза. Серые холодные глаза, лишь мельком скользнувшие по мне. В ту секунду в них вспыхнуло такое презрительное равнодушие, что горло сводило удушливым спазмом до сих пор от одного воспоминания. Надеюсь, парень не живет с отцом. Я бы не хотела находиться с ним под одной крышей. Похоже, он меня ненавидит.

Банкет закончился для меня неожиданно. В какой-то момент муж просто повернулся ко мне и холодно произнёс:

– Через пять минут выезжаем.

– Куда? – обхватила горло рукой. Голос немного хрипел. Я молчала почти пять часов.

– Домой, – бросил Вадим, отворачиваясь.

Его уже отвлекал от меня разговором подошедший мужчина. Вадим весь банкет с кем-то говорил, часто отходил от стола. Хмурый, сосредоточенный. Словно на переговорах, а не на собственной свадьбе.

Под галдёж толпы сели в подогнанный к самому входу автомобиль. В небе взрывался фейерверк. Сердце трепетно замирало от расцветающих кровавых цветов на ночном небосводе. Почему салют красный? И так грохочет... Оглушительно. Поселяя тревогу. Словно мы на поле боя. Вздрагивала от каждого залпа как от выстрела, но всё равно задирала голову, не в силах отвести замороженный взгляд от россыпи кровавых искр.

Досмотреть Вадим не дал. Молча с силой надавил на пле-

что, заставляя сесть в машину. На удивление горячая рука огнем прожгла оголенную кожу. Обогнув машину, сел рядом на пассажирское сидение, постучал по спинке водительского кресла, и мы тронулись. Тишина в салоне угнетала. Вадим откинул голову и устало прикрыл глаза. Широко расставил ноги, так что правое колено утонуло в моей пышной юбке. Украдкой разглядывала мужчину рядом, боясь лишний раз пошевелиться и привлечь его внимание. Русые волосы упали на высокий лоб, на откинутой шее сильно выступал кадык, прямые ресницы на прикрытых веках чуть подрагивали. Крупные ладони с длинными пальцами расслабленно лежали на коленях. Будто опасный хищник затаился перед прыжком.

Ощущаю волны тяжелой энергии, исходящей от него. Давящей на плечи, грудь, мешающей нормально дышать. Лёгкие заполняет запах его морского парфюма, смешанный с нотками кожаного салона, и я неожиданно вспоминаю, что у нас сегодня должна быть первая брачная ночь. Эта мысль мгновенно парализует, пробирает до кости. Он мне чужой человек. Мы не обмолвились и десятком слов. Повлажневшие руки начинают мелко дрожать. Незаметно сглатываю. Вадим открывает глаза.

– Скоро приедем. Не трясись, – и снова смыкает веки, отворачиваясь от меня к окну.

Учуял? Как? Теперь я волнуюсь ещё больше.

Тяжелые кованые ворота медленно разъезжаются перед автомобилем словно пасть хищного животного, желающего нас поглотить. Приглушенный свет фонарей едва освещает подъездную аллею. Или это у меня от волнения темнеет в глазах. По телу то и дело прокатывается нервный озноб. Прилагаю усилия, чтобы не начать стучать зубами. Когда машина останавливается у главного входа трехэтажного каменного дома, я близка к тому, чтобы упасть в обморок. Пассажирскую дверь с моей стороны резко распахивает водитель. Подает руку, отрезая пути к отступлению. Вадим, выйдя из автомобиля, энергичным шагом проходит к дому, едва заметно кивнув, чтобы следовала за ним. На негнущихся ногах подчиняюсь.

– Твоя спальня рядом с моей, осмотришься завтра, – бросает мужчина через плечо, широкими шагами поднимаясь по каменной лестнице на второй этаж. Я быстро кручу головой по сторонам, пытаюсь успеть рассмотреть свой новый дом и одновременно поспеть за мужем. Но от волнения интерьер перед глазами расплывается, воспринимаясь одним бежево-серым пятном. Остаётся лишь ощущение. Здесь много воздуха и мало уюта. Дорогое обезличенное жилище. Пустое и строгое.

– Проходи, – Вадим толкает дверь в самом конце длинного коридора второго этажа.

Стоит в дверном проёме, пока я боязливо ступаю внутрь светлой нейтрально обставленной комнаты. Он сказал- МОЯ

спальня. Вместе мы жить не будем?

– Подходит? – интересуется муж.

Но вижу, что мой ответ, каким бы ни был, ровным счётом ничего не изменит. Поэтому продолжаю молча озираться.

– Ванная там, – Вадим кивает в сторону неприметной двери в глубине комнаты, – Если надо в порядок себя привести – иди.

Мужчина резким движением ослабляет галстук, расстегивает верхнюю пуговицу белоснежной рубашки, вторую. Небрежно скидывает пиджак на кресло, закатывает по локоть рукава. Стою в нерешительности посреди комнаты, наблюдая за ним. Ноги словно к полу приросли, язык прилип к нёбу. Статуя. На журнальном столике, стоящем между двух глубоких кресел, коньяк, вино и ваза с фруктами. Вадим плескает себе янтарный напиток и с облегченным вздохом усаживается, широко расставив ноги и опустив руки на массивные кресельные подлокотники.

– Не пойдёшь? – вскидывает светлую бровь, лениво наблюдая за мной. Коньяк плещется в стакане в его руке.

– Мне не нужно, – тихо отвечаю подрагивающим голосом.

Муж едва заметно криво улыбается. На его левой щеке прорезается ямочка, так чужеродно смотрящаяся на строгом суровом лице. Вадим с видимым наслаждением делает глоток и кивает стаканом в мою сторону. Голубые глаза словно темнеют, становясь глубже.

– Раздевайся тогда... Раз не нужно, – ровно произносит

муж,— И покончим уже с этим.

Глава 3

Живот скручивает от нахлынувшего волнения. Поднимаю было дрожащие пальцы к плечикам платья и ...не могу. Руки плетью повисают вдоль тела. Он правда хочет, чтобы я... САМА??? Тут так светло, так непростительно всё видно. Я просто не могу! Но он ведь приказал. Он мой муж. Я должна...

Вадим молча вскидывает бровь в ожидании, а потом ставит стакан на столик и устало трёт ладонями лицо, упираясь локтями в колени. Раздраженный вздох.

– Блять, забыл. Девочка ж наверно ещё, да?

Чувствую, как густой румянец заливает всё лицо и сползает по шее на зону декольте.

– Как вы могли про меня плохо подумать? – хриплю в ответ, от обиды переходя на "вы", – Чистота – это за...

– Да понятно, – он только отмахивается от меня, перебивая. И себе под нос, – Счастье привалило...

Я совершенно теряюсь. Разве он не должен быть рад? Мама говорила, что непорочность – мой главный подарок мужу. Нет, я знаю, что у русских не все девушки берегут себя. И общество относится к этому нормально. Но "нормально" ведь не значит одобряет...

– Так, – резко бросает Вадим, прерывая мои размышления, – Свет тогда гаси и иди ко мне.

Облегченно выдыхаю и почти бегу к выключателю. Да, без света будет лучше. Щелчок, и комната погружается в полумрак. Лишь свет уличного фонаря и звёздное небо рисуют силуэты сквозь окно. Вадим сцепляет руки в замок и подается чуть вперёд, опираясь локтями на колени. Не вижу, но чётко ощущаю на себе его всё более жадный взгляд.

– Вот так... Иди сюда, Лейла.

Вздрагиваю от новых незнакомых мне хриплых ноток в его голосе. И несмело делаю шаг вперёд. В животе противно тянет от нервного напряжения.

– Мужчину голого видела? – интересуется муж с какой-то снисходительностью.

Облизываю пересохшие губы.

– На пляже...

Хмыкает.

– Полностью, – уточняет.

Я краснею ещё пуще и отрицательно мотаю головой, забывая, что в темноте Вадим может этого и не увидеть.

– Целовалась хоть? – в голосе как будто улыбка.

Муж протягивает вперёд руку и, ухватившись за пышную юбку, резко притягивает меня к себе. Замираю, стоя меж его широко разведенных ног. Его глаза оказываются напротив моих губ. Вижу его макушку, посеребренную лунным светом и лучами уличного фонаря.

– Нельзя целоваться, – тихо отвечаю.

Опять хмыкает. Его дыхание долетает до моей шеи.

– Честно скажи. Я не отец – ругать не буду.

– Два раза. В институте, – выдавливаю, стгорая со стыда.

Боже, зачем я призналась? Он ведь теперь может вернуть меня отцу! Я этого не переживу.

– Ты учишься? – удивленно спрашивает Вадим, обратив внимание почему-то именно на это, – Думал, вас Ахмедов в мир вообще не выпускает...

– На заочном, только на сессии езжу, – торопливо объясняю, чтобы Вадим не подумал ничего плохого, – На переводчика. Романские языки. Женщина должна быть послушной, но не глупой. Под стать мужу. Так отец говорит...

– Значит не глупая... – тянет Вадим с усмешкой. А его руки медленно сминают юбку и пробираются к моим бёдрам, отчего я забываю, как дышать, – Боишься?

– Да, – честно признаюсь.

– Не бойся, – убирает руки и откидывается в кресле. Свет фонаря падает на его лицо, и я вижу, как Вадим щурится.

– Разденешь меня?

– Что? – я охаю.

– Давай, – муж перехватывает мою руку, кладет на ряд пуговиц на своей рубашке, – Смелей.

Закусываю губу и начинаю расстегивать его рубашку. Пальцы то и дело касаются горячего оголяющегося тела Вадима. Сначала грудная клетка, потом живот. Его кожа гладкая, упругая, без волос, ощущаю развитую мускулатуру под ней. Сосредотачиваюсь на процессе. Страх уходит. Вадим

молча помогает высвободить его руки из рукавов, выправить рубашку из брюк. Аккуратно кладу её на пол. Кидаю быстрый взгляд на ширинку и решаю опуститься на колени перед ним и начать с ботинок. Тихий смешок над моей головой. Кажется, муж разгадал мой маневр, но не возражает. Медленно избавляю его обуви, погружаясь в странный транс. Тишина. Только дыхание слышно. Моё и его. Всё более частое, горячее. От Вадима начинает печь как от включенной батареи. Мне становится душно. Мир теряет реальные очертания. Поднимаю глаза на своего мужа, продолжая сидеть перед ним на коленях, и поддрагивающими пальцами тянусь к ширинке. Вижу, как во мраке будто мерцают его зрачки, отражая лунный свет. Его дыхание сбивается, когда случайно касаюсь твердости меж его бёдер, расстегивая молнию брюк. У меня у самой на руке будто вспыхивает ожог. Я знаю, что это. Это его желание. Мне страшно и одновременно радостно от того, что мой муж хочет меня. Значит я ему хорошая жена... Вадим привстает, помогая стянуть с него брюки. Остаётся в одних боксерах. В ушах начинает шуметь. Смотрю на его бёдра, на прорисовывающийся сквозь хлопковую ткань вставший член, и не могу решиться дотронуться. Во рту пустыня. Сильно вздрагиваю, когда мне на плечи ложатся его руки.

– Спинкой повернись...

Почти ласково, хрипло. Прикрываю глаза и послушно поворачиваюсь к нему спиной, оставаясь на коленях. Обжигаю-

щие пальцы скользят вдоль моего позвоночника, развязывая шнуровку, верх платья сползает по груди. Вадим проводит широкой ладонью по моей спине, то ли лаская, то ли успокаивая. Тянет меня вверх под руки. Встаю, и платье спадает к моим ногам. Мужские руки на моей спине, талии, бёдрах, ягодицах. Гладят, ощупывают, мнут. Воздух холодит оголенную кожу, смешиваясь в дикий коктейль с внутренним жаром. Покачиваюсь от каждого прикосновения словно гибкая ветка ивы на ветру. Щелчок бюстгалтера, ляпочки, сползающие по моим рукам. Бёдра сводит от горячей судороги. Тело колотит мелкой жаркой дрожью. Мягкое давление в поясницу. Вадим подталкивает меня в сторону кровати. Переступаю через платье и бреду как во сне. За спиной слышатся его шаги, какой-то шорок. Низ живота сладко сводит, когда колени упираются в постель. Тело горит возбуждением. Но оно мало походит на сексуальное. Скорее просто нервы сдают. Из лёгких разом выбивается весь кислород, когда абсолютно голый уже муж вжимается в мою спину и бёдра. Твёрдый горячий член вдавливается в поясницу. Вадим обхватывает одной рукой мою шею, другой тянет вниз по бедру мои трусики.

– Не бойся, Лей,– хрипло, у самого уха. Жаркая вибрация его голоса отдаётся в груди. Он обхватывает пальцами мой подбородок и поворачивает к себе.

Губы встречается с губами. Горячо, влажно. Языки соприкасаются. Его теплая чуть шершавая ладонь ползёт по моему

животу и накрывает лобок. Я тихо охаю. Жмурюсь, заставляя себя расслабиться и не вырываться.

– Какая гладенькая... – урчит Вадим, лизнув мою шею.

– Положено так... – бормочу в ответ, стгорая со стыда.

Его пальцы проникают ниже, раздвигают половые губы. Дергаюсь непроизвольно, но он только сильнее прижимает к себе.

– Тихо... тихо... – неразборчиво сквозь поцелуй.

И что-то делает своей рукой у меня между ног, отчего колени постепенно начинают подкашиваться, а промежность горячо пульсировать. Особенно в глубине лона и снаружи в одной точке. Словно сердце качает кровь только туда. Кипятком заливает. Дыхание сбивается. Сознание накрывает ватной пеленой. Выгибаюсь в пояснице, ощущая, как муж начинает потираться сзади о меня раскаленным членом, шире расставляю слабеющие ноги. Мне уже не стыдно. Нарастающий зуд между ног вытравливает все табу. Сама не понимаю, как оказываюсь на кровати. Под бёдрами подушка, приподнимающая ягодицы в постыдной позе. Щека на прохладной простыне. Тяжесть мужского пышущего жаром мужского тела давит сверху. Губы мужа оставляют влажные следы на моей шее, лице. Его пальцы продолжают с нажимом массировать по кругу пульсирующую точку между ног, вырывая из меня жалобные тихие всхлипы. Ощущение жаркого зуда внизу живота становится нестерпимым. Просто хочется от него избавиться. Сама вжимаюсь ягодицами в мужские

крепкие бёдра. Кожа покрывается испариной.

– Да? – Вадим влажно целует меня за ушком.

– Да, – стону в ответ и тут же чувствую, как его твердый орган вдавливается в меня. Дыхание срывается. Это какие-то невыразимые ощущения.

– Я осторожно, не зажимайся, – хрипит Вадим то ли зло, то ли удовлетворённо, зарываясь лицом в мои волосы.

Чувство распираания нарастает, а потом тело пронзает сильная тянущая боль, как при очень болезненных месячных. В уголках глаз собираются слёзы. Первое желание сжаться, закрыться от него. Но никак. Я распластана на кровати, придавлена большим тяжелым мужчиной. Мычу, ухватив зубами простынь. Жар возбуждения исчезает, оставляя только ноющую боль.

Вадим молча начинает быстро двигаться во мне. Я понимаю, что он просто хочет поскорее закончить это. Тяжело дышу, терпя. Распирает между ног так, что, кажется, колени не сойдутся никогда. Внутреннюю сторону широко разведённых бёдер с непривычки тоже тянет. Похоже, мой муж – большой, не обделенный природой мужчина. Хотя мне конечно не с чем сравнивать. Постепенно тело охватывает спасительное онемение, и мне даже становится приятно. Не так конечно, как было до того, как Вадим взял меня, но мягкое тепло всё -таки расплзается по кровотоку.

Какое-то пронзительное чувство единения. Это ощущение другого человека в себе само по себе делает происходя-

щее чем-то невероятным. Запах чужой кожи, скользкие от испарины тела, духота от тяжелого дыхания. Всё это порождает во мне сладкое томление. Вадим двигается резче, по комнате разносятся влажные пошлые шлепки. Между ног у меня снова тянет, но уже приятно. Глубокий толчок, и мужа скручивает быстрая судорога. Я чувствую её в себе. Пару секунд он лежит на мне, тяжело дыша.

А потом встаёт и стягивает с члена презерватив. Я подсакиваю на кровати от неожиданности. Презерватив???

– Зачем? – ошалело моргаю, смотря как Вадим кидает его в урну для бумаг.

– Что?

– Зачем ты предохранялся? Ведь я твоя жена. Ведь...

– Поверь, нам не нужны дети, Лей, – сообщает Вадим спокойно и начинает натягивать боксеры.

– Но как же... – я запинаюсь, видя, как муж поднимает с пола брюки.

Он что? Уйдет сейчас?

– Ты куда? – спрашиваю, совершенно растерянная.

Вадим подхватывает рубашку и подходит ко мне. Небрежно проводит рукой по моей щеке.

– Спи, у тебя был тяжелый день. А у меня ещё дела. Будь хорошей девочкой. Ты же у меня умная, да?

Едва ощутимый поцелуй в макушку, и Вадим исчезает, оставляя меня одну.

Глава 4

Несколько секунд растерянно смотрю на хлопнувшую дверь. Неприятное чувство, что мой муж просто сделал то, что должен был сделать, не отпускало. Я ждала другого. Не знаю, чего именно, но точно не закрывшейся за ним двери через пару минут после полового акта.

Хмурясь, разглаживаю пальцами скомканную простынь. Он мужчина, у него много дел. Моё же дело – ждать его и создавать в нашем доме уют, чтобы ему было комфортно. Он ведь был достаточно нежен и бережен со мной. Я не должна расстраиваться! Вот только детей он не хочет...

Закусила губу, в носу тут же противно защипало от обиды. Как это? Разве я плохая? Разве он боится, что я не смогу дать ему хороших детей? Почему? Может быть, мне надо просто заслужить его доверие? Наверно... Я буду ему хорошей, послушной женой. И тогда Вадим передумает. Обязательно передумает! У нас будут чудесные дети. Он такой красивый... По телу пробежала восторженная дрожь, между ног мягко заныло, на губах помимо воли расцвела мечтательная улыбка.

Мне понравилось. Даже несмотря на болезненные ощущения вначале. И, говорят, больше их не будет. Только единение с ним. С сильным, умелым, красивым, мудрым. Мой мужчина. Мой муж. И почему я его так боялась? Глупая.

Отец никогда не отдал бы меня за плохого человека. Он заботится обо мне.

Закуталась в одеяло как в кокон и попыталась заснуть. В душ идти не хотелось. От меня пахло ИМ, и я сейчас наслаждалась этим запахом. Будто Вадим и не уходил вовсе, а незримо присутствовал в моей постели. Закрыла глаза, но сон не шёл. Я была слишком взбудоражена произошедшим. Стоило сомкнуть веки, как меня одолевали образы сегодняшнего дня, с невероятной скоростью сменяющие друг друга: роспись, банкет, крики "горько", звеневшие в ушах, его губы на моих губах, поздравления гостей, танцы, мои дрожащие пальцы, расстегивающие пуговицы на его рубашке, жаркое дыхание в шею, чувство болезненного расpirания между ног...

Встаю. Уснуть всё равно не удастся. Кровь быстрыми толчками бежит по венам, мешая даже просто спокойно лежать. Лучше осмотрюсь в комнате и в доме. Ведь не так уж и поздно. Ещё и одиннадцати нет.

Спальня моя оказывается ничем не примечательной. разве что своим немаленьким размером и гардеробной, уже полностью забитой моими вещами. С удивлением осматриваю аккуратно сложенную и развешанную одежду. И когда только успели. Ещё утром всё это было в доме отца. Порывшись, нахожу любимые плюшевые шаровары и домашнюю маечку. Забираю волосы в высокий хвост. Заглянув в ванную и убедившись, что она так же нейтральна и безлика, как и вся

остальная обстановка, выхожу из комнаты. В коридоре царит полутьма. Так тихо, что я невольно начинаю нервничать, вздрагивать от звука собственных шагов. Я здесь одна? Вадим совсем уехал? Конечно, у него должна быть охрана, как и у моего отца, но вряд ли они живут прямо в хозяйском доме. У нас не жили. А кто живёт? Только мы с Вадимом? А как же его сын? Спускаюсь по широкой парадной лестнице. Свет почему-то включить не решаюсь. Ещё не чувствую себя хозяйкой. Скорее крадусь как вор. Оказавшись в холле, верчу головой, раздумывая, куда теперь пойти. И замечаю тусклый отблеск лампочки справа. Посомневавшись пару секунд, всё-таки решаюсь пойти туда. В конце концов, это теперь мой дом. Чего мне бояться?

Повернув направо и пройдя по тёмному коридору, толкаю приоткрытую дверь, за которой льётся мягкий жёлтый свет. Моргаю пару раз, привыкая после полутьмы к более яркому освещению. И замираю в нерешительности, наткнувшись на сверлящий взгляд серых глаз напротив. Тяжелый, давящий. И совсем не дружелюбный. К моему лицу приливает жар. На банкете мне не показалось. Младший Палей меня точно ненавидит.

– Что-то хотела? – парень крутит в руках кружку, смотря на меня исподлобья.

Мельком оглядываю помещение. Оказывается, я зашла на кухню. Светлые нейтральные тона, как и во всем доме, мра-

морные столешницы, посередине большой кухонный островок, за которым и устроился младший Палей. Из его кружки идёт дымок, значит, это вряд ли алкоголь. От осознания, что он сейчас не пьёт, становится как-то спокойней. Я побаиваюсь и не люблю пьяных.

– Воды,– быстро нахожусь, нервно переступая с ноги на ногу.

Уходить почему-то расхотелось. Не желаю демонстрировать Антону слабость или страх. Я теперь здесь хозяйка. И нам придётся наладить общение, как бы он сейчас ко мне не относился. В хорошем доме должен быть мир и уют.

Антон молча мотает головой в сторону холодильника, не отводя от меня тяжёлый взгляд. Кажется, даже не моргает, наблюдая, как я открываю дверцу и достаю бутылочку минеральной воды. Руки невольно подрагивают, когда сворачиваю крышку. Его внимание неприятно обжигает кожу.

– Кофе выпьешь со мной?

Чуть не давлюсь от неожиданности. Мне казалось, он только и ждёт, когда я уйду.

– Можно,– слабо улыбаюсь, но любезность мне и не думают возвращать. Всё тот же хмурый прошивающий взгляд.

– Сама варить умеешь? – с какой-то унижительной снисходительностью, будто я из лесу только что вышла.

– Представь себе,– бурчу под нос, направляясь к кофемашине.

За спиной раздаётся смешок. Услышал? Ну и что. Он мне

не муж и он – не один из старших мужчин в семье. Мой ровесник примерно. Я не обязана быть с ним почтительной. Жужжание перемалывающихся зёрен в тишине. Не оборачиваюсь, но остро чувствую лопатками его взгляд. Пару раз даже скованно повожу ими. Сводит.

– Отца сегодня впервые видела? – лениво интересуется Антон, когда я наконец занимаю высокий барный стул напротив.

– Нет, – делаю обжигающий нёбо глоток, но вкуса не чувствую. Под тяжелым взглядом Антона рецепторы парализует от нервного напряжения, – Второй. Четыре дня назад смотрины были...

– Четыре дня назад... – парень задумчиво постукивает длинными пальцами по столу, смотря куда-то мимо меня.

А я пользуюсь моментом, чтобы внимательней его рассмотреть. Как же он похож на Вадима. Но есть и отличия. Антон, кажется, немного выше, худее, хотя возможно это из-за возраста, и, когда он станет старше, мальчишеская угловатость исчезнет. Глаза больше, тоже глубоко- посаженные, но почти круглые, отчего и без того тяжелый взгляд воспринимается каким-то отчаянным. И ещё губы. Выразительные, полные, чёткой формы, привлекающие внимание. Наверно, от матери достались. У Вадима тонкие...

– И каково это? – Антон неожиданно фокусирует на мне режущий взгляд, губы расползаются в ироничной ухмылке, – Безропотно спать с тем, кому папочка продал?

Кофе застревает в горле.

– Вадим Львович- муж мой, я ему – жена. Законная! – гневно шиплю, расправляя плечи. Не позволю оскорблять себя. У нас с Вадимом настоящий брак.

– Законная...– хмыкает Антон с сарказмом, сверля меня серыми глазами и делая глоток из своей кружки.

– Да. Законная. А ты – мой пасынок. Младший в семье. Слушаться должен, чтить отца, уважать меня. Отец – большой человек. Опора. Гордись, а не перечь, – стучу пальцем по столешнице в такт собственным словам, придавая себе сил возражать этому наглому парню.

– Ох ты ж блин, крошка! – в ответ Антон начинает ржать так сильно, что запрокидывает голову назад. И я полностью теряюсь, наблюдая, как дергается кадык на его сильной шее. Разве я что-то смешное сказала? Я дело говорю.

– Послушай меня, рахат-лукум,– Антон так резко перестаёт смеяться и подскакивает с места, что я моргнуть не успеваю, как его пальцы уже фиксируют мой подбородок, а серые со стальными переливами глаза оказываются в паре сантиметров от моих.

– Рассуждать похоже не твоё...Тебя учили молча ноги раздвигать перед тем, на кого отец укажет...Вот за большее и не берись...

Я дёргаю головой, но не вырваться. Его дыхание обжигает мою щёку. В груди начинает дребезжать от неконтролируемого страха, затапливающего меня. Он не должен быть так

близко, не должен меня так трогать, не должен такое говорить. Нельзя!

– Пусти... – шепчу, но парень будто не слышит.

Его задумчивый потемневший взор лениво скользит по моему лицу. Задерживается на приоткрытых губах. Большой палец накрывает нижнюю и чуть нажимает. Ощущаю вкус кожи Антона на кончике языка. Глаза мои широко распахиваются от шока. Сердце заходится тяжелыми гулкими ударами. Что-то плохое сейчас творится. Нельзя- нельзя- нельзя...

– Ты даже не понимаешь, что вокруг происходит... – хрипло шепчет Антон, склонившись к моему уху, но я с трудом различаю слова.

Он не должен быть так близко- первая мысль, набатом стучащая в голове. Почему я не вырываюсь- вторая. От него невероятно вкусно дурманяще пахнет – третья.

– Будь осторожна, Лукумчик, – мне кажется, его губы почти касаются моего уха, бархатный тембр отдаётся в груди тревожной вибрацией, – Плохие дяди съедят тебя и не подавятся, когда папашу твоего сгноят. Ясно?

– Только тш-ш-ш... – продолжает жарко нашептывать Антон.

А потом едва ощутимо мажет носом по моему виску и отпускает, резко делая шаг назад. Я по инерции, потеряв опору, покачиваюсь за ним. Кусаю щеку, медленно выпрямляясь. Стараюсь с достоинством. Силюсь, но не могу посмотреть младшему Палею в глаза. Упираюсь взглядом в его тя-

жело поднимающуюся грудную клетку. Трясёт. Надо собраться. Ведь ничего не произошло такого, да?

Моргаю один раз, второй... На третий Антон исчезает с кухни, оставляя меня наедине с новыми тревожными мыслями.

Глава 5

Совершенно потерянная возвращаюсь в свою комнату. Зря я спускалась. Зря пила кофе на ночь. Зря говорила с Антоном. Теперь уж точно не заснуть. Он сказал: " когда они сгноят твоего отца". Папе что-то угрожает? Должна ли я об этом ему сообщить? Но ведь это просто слова, ничем не подкрепленные. И эти слова против моего мужа. Разве я могу говорить что-то плохое про него? Тем более, не имея никаких доказательств... Но если это правда? Дьявол. Больше не заговорю с этим мальчишкой. Никогда. Он наверно специально меня с толку сбивает. Издевается. Хочет настроить против собственного мужа, его отца. Плохой меня выставить. Ведь мой отец помирился с моим мужем. Наша свадьба тому подтверждение. Значит Антон просто врёт. Какой же он...

Закрываю глаза, с головой накрывшись одеялом. Серый тяжелый взгляд тут же всплывает в памяти. Не могу прогнать этот образ, как не пытаюсь. И уже не понимаю, чьи глаза меня сверлят: сына или отца. Считаю до ста, представляю овец. Бесполезно. Пара стальных холодных глаз заглядывает в самую душу, поселяя безотчетную тревогу в груди. Сама не замечаю, как погружаюсь в тревожный сон, наполненный картинками прошедшего дня. Тосты на банкете, живая музыка, кровавые цветы салюта, издевательский смех Антона, его жаркий шепот у моего уха, интимный до мурашек, руки Ва-

дима на моих бёдрах, тяжесть чужого тела, влажный поцелуй на ключице... Открываю глаза. Не сон. Предраассветный сумрак освещает комнату. И мой муж на мне.

– Вадим? – хриплю удивленно со сна.

– Привет, Лей. Решил опять прийти, – улыбается одним уголком рта.

И так как-то тепло. Я в первый раз вижу его улыбку – даже сердце замирает. Аккуратно трогаю губы мужа, словно проверяю, настоящая ли. Вадим улыбается шире и легонько целует кончики моих пальцев.

– Такая ты ещё девочка... – шепчет неразборчиво, – Бесхитростная... Даже жалко...

– Что «жалко»? – хмурюсь, не понимая.

– Ничего.

Вместо пояснений Вадим быстрым движением стягивает с меня пижамные штаны и, подхватив одну мою ногу под колено и широко отведя в сторону, устраивается меж разведённых бёдер. Только охнуть успеваю. Веки закрываются сами собой. Со сна становится сразу душно, тесно, жарко. Будто он и не останавливался, не уходил тогда, в первый раз. Мои руки обессиленно падают на кровать. Вся энергия стекает вниз живота, туда, где быстрые толчки ритмично растягивают лоно. Лицо горит. Я чувствую, что он внимательно смотрит, наблюдает за реакцией. От этого кожа покрывается густым румянцем. Из горла вырываются тихие вздохи в такт его движениям. Вадим одной рукой сильнее задирает

мою ногу, так, что внутреннюю сторону бедра болезненно тянет. Вторую ладонь просовывает между нашими телами, снова нажимая на пульсирующую точку у меня в промежности. Как тогда в первый раз. Низ живота звенит от напряжения. А потом меня неожиданно скручивает сладкой судорогой и отпускает. Словно пружина выстреливает. Я распахиваю глаза, рот открывается в немом всхлипе. Никогда не чувствовала ничего подобного. Облегчение ртутью расплзается по телу, мышцы сводит и расслабляет.

– Хорошая какая... – слышу сквозь вату в ушах бормотание мужа.

Ощущаю уже лишними его финальные толчки. Хочется сбросить его с себя, слишком сейчас всё чувствительно между ног. Но я не могу. Он – мой муж. Позволяю себе только накрыть своей ладонью его руку на моей промежности и мягко оттолкнуть. Вадим не сопротивляется – убирает. Я благодарна ему за это. Через пару секунд, он замирает на мне. Вадим тяжело дышит мне в шею, потом медленно встаёт.

Я, хмурясь наблюдаю, как он стягивает презерватив и кидает его в урну. За окном светает, и теперь я могу рассмотреть своего мужа. Умирая со стыда, жадно разглядываю каждую деталь. Вадим- красивый мужчина. Подтянутый, высокий, со в меру развитой мускулатурой. Взгляд то и дело притягивает его пах. Кажется, у меня сейчас щёки сгорят от внутреннего жара, но ничего поделать не могу с собой. Мне интересно.

– Если у тебя останусь, не против? – интересуется Вадим.

Поднимаю на него удивленные глаза. Как я могу быть против??? Он смотрит с насмешкой. И мне хочется тут же сквозь землю провалиться. Понял, что глазею на него. Стыдно как, мамочка. Что он обо мне подумает? Что распутная???

– Ты- мой муж. Это счастье для меня, – отвечаю на его вопрос не своим голосом, пытаюсь справиться со смущением.

– Даже так... – тянет Вадим снисходительно. Хмыкает, – Счастье...

Двигаюсь на кровати, когда он укладывается рядом. Муж разворачивает меня к себе спиной, кладет тяжелую руку на живот, вжимается бёдрами в ягодицы. Жарко. Как так спать? Но пошевелиться не смею. Это ведь чудесно, что он хочет со мной спать, да? Через пять минут раздаётся мерный храп. Не громкий, но у самого уха. Муж мой. Это счастье. Вот только мне уже не заснуть... Смотрю пустыми глазами в окно. На небе занимается рассвет. Будет солнечно сегодня. Мой первый день в качестве жены.

Глава 6

Вадим уходит рано. Пока он одевается, делаю вид, что сплю. Рассветное солнце за окном светит слишком ярко. Наверно, моя комната смотрит на восток. При дневном свете всегда неловко вспоминать то, что творилось в ночи. Вот и мне сейчас не хочется встречаться с мужем глазами. Ночью он казался мне почти родным. Сейчас же Вадим – малознакомый взрослый мужчина, делавший со мной то, что я никому раньше не позволяла. За мужем хлопает дверь, и я ментально погружаюсь в сон, наконец чувствуя себя свободно в собственной постели. Я ещё не привыкла спать не одна.

Открываю глаза, когда часы на дисплее телефона показывают почти десять утра. Голова гудит от недосыпа, но дольше валяться я не смею. У нас дома это не поощрялось. Праздность губит женщину, делает ленивой и тяжелой на подъем. Нельзя. Обычно мы с сестрой вставали не позже восьми. Дома всегда было много дел. Хоть жили мы богато и у нас была домработница Зира, отвечающая за порядок в особняке, но готовила мама всегда сама, и ей надо было помогать. Да и свои комнаты мы с Мадиной убирали сами. А ещё сад и конюшня. Была у моего отца слабость – лошади. Здесь мы с сестрой разделялись. Мадине больше нравилось ухаживать за нашей оранжереей, я же сутками могла проводить с дядей Ашотом, следящим за отцовскими жеребцами. Помогала. И

помыть, и выгулять, и покормить... В конюшне всегда много дел. Тяжко вздыхаю, опуская ноги с кровати. У Вадима скорее всего нет лошадей. Может быть, если я буду хорошей женой, смогу уговорить его? Не знаю...

Чувствую себя потерянной, пока принимаю душ и одеваюсь. Что мне сейчас делать в этом доме? Вадим ничего не сказал, с прислугой не познакомил, дел никаких не поручил. Не привыкла я так. Плохо. Набираю матери, но трубку никто не берет. Сестре- то же самое. Вдоль позвоночника пробегает холодок. Отец запретил им? Из-за того, что я за русского вышла? Но так он же сам меня отдал, сам! Чуть не плача, звоню папе, но он скидывает вызов и присылает смс, что перезвонит позже. Глубоко дышу, пытаюсь успокоиться. Он перезвонит, и я вымолю у него возможность общаться с матерью и Мадиной. Обязательно. Папа всегда был справедлив, а это несправедливо. Взяв себя в руки, я выхожу из комнаты. Надо осмотреться, позавтракать и познакомиться со слугами. Их просто не может не быть в таком большом доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.